

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Егоров И.А. Влияние проблемы «гарантийного договора» на динамику советско-эстонских отношений 1920-1930-х гг // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.6.77043 EDN: NHXKVG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77043

Влияние проблемы «гарантийного договора» на динамику советско-эстонских отношений 1920-1930-х гг.

Егоров Игорь Андреевич

ORCID: 0000-0002-0400-9446

научный сотрудник; научно-исследовательская лаборатория "Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности"; ФГБОУ ВО "Псковский государственный университет"

180000, Россия, Псковская обл., г. Псков, пл. Ленина, д. 2

✉ tribunus.laticlavus@mail.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.6.77043

EDN:

NHXKVG

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2025

Дата публикации:

07-12-2025

Аннотация: Предметом исследования являются особенности советско-эстонских отношений в связи с проблемой обеспечения безопасности Северо-Запада России в межвоенный период. В течение 1920-х гг. советское руководство регулярно предлагало Эстонии обсудить вопрос о заключении двустороннего договора о ненападении (или «гарантийного договора», как называли этот проект до 1932 г.), а также об обеспечении взаимного нейтралитета. Результаты Локарнской конференции 1925 г., которые не гарантировали границ восточных соседей Германии, делали этот вопрос особенно важным для безопасности северо-западных рубежей советского государства. 28 ноября 1923 г. проект соответствующего «гарантийного» соглашения был направлен эстонскому правительству через советского полпреда в Эстонии Л. Н. Старка. В мае 1926 г. правительство Эстонии на официальном уровне высказало свое согласие с

предложением СССР о заключении данного договора. Однако в связи с оказываемым на Эстонию давлением со стороны Польши официальные переговоры начались только в октябре 1926 г. и сопровождались серьезными трудностями. В результате в июне 1927 г. переговоры были прерваны. Эстонская сторона предложит возобновить их лишь в декабре 1931 г., что и будет сделано 20 января 1932 г. В ходе работы автор опирался на широкий круг опубликованных и архивных источников по исследуемой проблеме. В исследовании были использованы метод диахронического анализа и историко-сравнительный метод. Научная новизна представленной работы заключается в системном анализе ключевых аспектов советско-эстонских отношений 1920–1930-х гг., связанных с вопросами обеспечения региональной безопасности на Северо-Западе России. В заключении сделан вывод о том, что развитие советско-эстонских отношений происходило на фоне нарастания военно-политической напряженности в Европе, что непосредственно отразилось и на двусторонних отношениях СССР и Эстонии в исследуемый период. После провала идеи Восточного пакта возрастает опасность развертывания гитлеровской экспансии в восточном и северо-восточном направлении, в т.ч. через территорию Прибалтики. В этих условиях с учетом всего комплекса анализируемых факторов меняется содержание внешней политики СССР по отношению к Эстонии.

Ключевые слова:

внешняя политика, коллективная безопасность, дипломатические переговоры, советско-эстонские отношения, нейтралитет, урегулирование, пограничная полоса, гарантийный договор, международная конвенция, военно-политическая напряженность

Исследование выполнено в рамках реализации гранта ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» по мероприятию «Выполнение прикладных научных и научно-методических исследований (проектов) молодыми учеными по приоритетным направлениям Программы развития университета на 2025-2036 годы» (приказ № 0905-001 от 05.09.2025)

Драматические события российской революции 1917 г. кардинально изменили траекторию развития страны, включая ее международные отношения. В 1920-е гг. одним из ключевых вызовов для внешней политики России на северо-западе было налаживание отношений с Эстонией [8]. Тартуский мирный договор 1920 г., заключенный между Советской Россией и Эстонией, стал важным шагом к преодолению дипломатической изоляции молодой советской республики. Советское правительство пошло на уступки при подписании этого договора, что было обусловлено сложной политической, социальной и экономической обстановкой в стране в начале 1920-х годов.

Следует помнить, что эти первые дипломатические переговоры между РСФСР и Эстонией проходили в условиях ожесточенной Гражданской войны и иностранной интервенции, а заключенный по их итогам мирный договор косвенно ускорил их завершение, образовав брешь в дипломатической блокаде советского государства [6]. При этом не следует, конечно, забывать и того, что в результате последующих событий XX в. Тартуский (Юрьевский) договор 1920 г. давно стал достоянием истории и объективно утратил для России свою юридическую силу.

После обмена послами между Россией и Эстонией начался процесс официального

оформления их дипломатических отношений. В первые годы после подписания Тартуского мирного договора Советская Россия видела в Эстонии, прежде всего, выгодного торгового партнера (1920-1921). С развитием дипломатических отношений СССР с западными странами экономическое значение Эстонии для советского руководства постепенно снизилось. Тем не менее, Эстония продолжала оставаться важным фактором при формировании системы военной и политической безопасности России на северо-западных границах [\[14, с. 157\]](#).

С самого начала советско-эстонских отношений в межвоенный период, советское правительство рассматривало получение военных гарантий со стороны Эстонии как ключевой приоритет своей внешней политики на данном направлении, поскольку территория последней в военно-стратегическом отношении представляла для безопасности России один из самых уязвимых регионов [\[3, с. 187\]](#).

Впервые взаимные обязательства по обеспечению безопасности были закреплены в договоре между Советской Россией и Эстонией, подписанном в 1920 г. Этот договор предусматривал, что Эстония не должна была предоставлять свою территорию для военных действий против Советской России. Стороны обязывались не допускать на своей территории присутствия враждебных формирований, будь то войска, группы или организации, направленные против другой стороны. Кроме того, Советская Россия и Эстония договорились не размещать на своей территории воинские формирования, не входящие в состав их собственных вооруженных сил. Это означало, что эстонское правительство должно было полностью расформировать все военные формирования Белой армии, находившиеся на территории Эстонии. Также договор запрещал пребывание военных кораблей третьих стран в эстонских водах и создание военно-морских баз Антанты на эстонском побережье [\[13, л. 37\]](#).

Северо-Западная армия белых, отступившая в конце 1919 г. на территории Эстонии под ударами Красной армии, подлежала ликвидации. Всего в этом отступлении по подсчетам эстонских властей участвовало приблизительно 50-60 тысяч русских, включая 20-25 тысяч интернированных эстонцами военнослужащих Северо-Западной армии. В январе 1920 г. к работе приступила ликвидационная комиссия Северо-Западной армии, в которой принимали участие эстонские и русские белые офицеры, а также присутствовали наблюдатели военных миссий США и Франции [\[4, с. 11\]](#).

В день подписания Тартуского мира 2 февраля 1920 г. комиссия получила указание завершить свою деятельность в течение месяца. 23 февраля того же года комиссия договорилась о передаче всего имущества Северо-Западной армии эстонскому правительству. В этот же день генерал Юденич и высшее командование белой армии покинули Эстонию. Ликвидация комиссии была полностью завершена 23 апреля 1920 г. Весной 1920 г. РСФСР расформировала Эстонскую дивизию Красной армии, распределив ее личный состав по другим воинским частям.

В условиях кронштадтского мятежа, 10 марта 1921 г. полномочный представитель РСФСР в Эстонии М. М. Литвинов направил протест эстонскому правительству в связи с циркулировавшей информацией о формировании в Эстонии воинского подразделения из остатков белой Северо-Западной армии, предполагая, что подобное формирование может быть использовано для враждебных действий против советской власти [\[18, с. 24\]](#). Практически сразу же МИД Эстонии направил официальное заявление, гарантирующее, что формирование таких воинских подразделений не будет допущено.

Новый дипломатический инцидент такого рода произошел в конце 1921 г., когда глава эстонского внешнеполитического ведомства обратился к Лиге Наций с просьбой о посредничестве в карельском вопросе. Народный комиссариат иностранных дел РСФСР категорически возразил против такого вмешательства в свои внутренние дела, направив соответствующую ноту 19 декабря 1921 г.

По мере урегулирования последствий гражданской войны, советское правительство демонстрировало все более активную позицию, предлагая Эстонии совместные шаги в области международной безопасности. Однако, несмотря на эти усилия, процесс достижения соглашения между Советской Россией и Эстонией о взаимных гарантиях военной безопасности был сопряжен с большими трудностями. Многие инициативы, выдвинутые советским правительством в 1920-е гг., не получили поддержки с эстонской стороны.

Уже 2-12 декабря 1922 г. по инициативе РСФСР в Москве состоялась международная конференция с участием эстонского представителя Юлиуса Сельямаа, в ходе которой с советской стороны была выдвинута идея о необходимости взаимного сокращения военной инфраструктуры, включая их войсковые формирования, военные расходы, образовательные организации военного профиля. Одним из главных пунктов в данном перечне являлось предложение об обоюдной нейтрализации пограничной полосы [\[5, с. 93\]](#). Советская сторона отстаивала проект взаимного пропорционального сокращения сухопутных сил всех представленных на конференции стран на 75% в течение ближайших полутора – двух лет [\[17, с. 147\]](#).

Теоретически, советская инициатива могла бы снизить военные расходы, установив общий лимит затрат на одного военнослужащего для всех заинтересованных сторон. Однако на практике Эстония, солидаризируясь с позицией других прибалтийских республик, Польши и Финляндии, решила не продолжать работу над сокращением вооружений. Вместо этого, эстонская делегация направила переговоры в сторону абстрактных этических дискуссий, что в итоге привело к их полному прекращению. Юлиус Сельямаа, обращаясь к М. М. Литвинову на конференции, подчеркнул, что, прежде чем приступить к «материальному разоружению», необходимо достичь «политического и морального разоружения» и сформировать более доверительные отношения между участниками переговоров.

11 декабря 1922 г. Эстония, вместе с другими участниками переговоров с Советской Россией, отклонила предложение о сокращении вооруженных сил. Это решение фактически прекратило дальнейшее обсуждение данного вопроса. Вместо этого, эстонская делегация и другие приглашенные на Московскую конференцию стороны переключили свое внимание на политические аспекты обсуждаемой проблемы.

Московская конференция по сокращению вооружений 1922 г. стала площадкой для предложения эстонской и других делегаций заключить договор о ненападении и международном арбитраже. Взамен на принятие такого договора, они выразили готовность к четверть-сокращению своих вооруженных сил. Для дальнейшей проработки деталей, предлагалось сформировать экспертную комиссию военных, но с обязательным предварительным подписанием основного договора. Из-за этих условий, непосредственных договоренностей о сокращении вооружений между советской и эстонской сторонами на конференции достичь не удалось. Тем не менее, эта встреча имела важное значение, поскольку дала старт советско-эстонским переговорам о ненападении, которые растянулись на целое десятилетие.

В связи с официальным провозглашением 30 декабря 1922 г. образования СССР, дальнейшие переговоры с советской стороны по данному вопросу продолжались от имени союзного правительства. В следующем, 1923 г., советская сторона повторно предложила Эстонии обсудить заключение двустороннего договора о ненападении, предусматривающего взаимный нейтралитет. Этот проект до 1932 г. фигурировал в дипломатической переписке двух стран в качестве так называемого «гарантийного договора».

Миссия по организации продолжения соответствующих переговоров с Эстонией была возложена на представлявшего советскую позицию сотрудника В. Л. Коопа, который смог получить в Таллине принципиальное согласие эстонской стороны заключить так называемый гарантийный протокол. Однако вскоре переговоры о ненападении и нейтралитете вновь были прерваны Эстонией под предлогом изменения международной ситуации. В течение нескольких последующих лет советско-эстонские контакты в этой сфере, сохраняя внешнюю корректность, оставались малопродуктивными.

В конце 1923 г. Советский Союз и Эстония начали новый этап переговоров по заключению двустороннего договора о ненападении, который также должен был включать гарантии. Проект соглашения был представлен эстонскому правительству 28 ноября 1923 г. через советского полпреда Л. Н. Старка. Последовали длительные обсуждения, активная переписка и обмен предложениями по тексту договора, однако процесс продвигался медленно и часто затягивался. В мае 1926 г. эстонское правительство официально одобрило советское предложение о заключении договора. Проект документа был направлен в Эстонию нотой НКВД СССР от 26 мая 1926 г. [\[16, л. 771\]](#).

29 июля 1926 г. полпред А.М. Петровский проинформировал НКВД о достигнутой с новым министром иностранных дел Эстонии Фридрихом Акелем договоренности о возобновлении переговоров на основе советского проекта договора. Однако из-за давления со стороны Польши официальные переговоры стартовали лишь в октябре 1926 г. и столкнулись с серьезными препятствиями, вызванными позицией эстонской стороны. На первом же заседании эстонцы предложили вести диалог, опираясь на свой меморандум от 5 мая 1926 г., где основное внимание уделялось арбитражу и согласительным процедурам. При этом Эстония уклонялась от обязательств по нейтралитету и отказу от политических союзов, направленных против СССР [\[10, с. 318\]](#).

6 декабря 1926 г., по решению коллегии Народного комиссариата иностранных дел СССР, А.М. Петровскому было предписано довести до сведения эстонской делегации, что вопрос о нейтралитете имеет основополагающее значение. Без его разрешения, как было отмечено в обращении, процесс разработки и подписания договора представлялся нецелесообразным. Вследствие этого, в июне 1927 г. переговорный процесс с Эстонией относительно заключения пакта о ненападении был приостановлен. Эстонская сторона выступила с предложением о возобновлении переговоров лишь в декабре 1931 г., что и было реализовано 20 января 1932 г.

Несмотря на возникшие трудности, Советский Союз во второй половине 1920-х гг. не оставлял попыток заключить соглашения о гарантиях безопасности с государствами, граничащими с ним [\[9, с. 67\]](#). 17 сентября 1925 г. подобный договор был подписан с Турцией. Однако переговоры о гарантиях с Эстонией, начавшиеся в 1926 г., не увенчались успехом. Это объяснялось тем, что с 1925 г. внешняя политика Эстонии все больше ориентировалась на Великобританию. Например, в начале 1925 г. в Таллин

прибыл английский советник Вильямсон, который не только изучал финансовое состояние Эстонии, но и вел переговоры о размещении британской военно-морской базы на эстонских островах Сааремаа (Эзель) и Хийумаа (Даго).

В целом в 1926 г. дипломатические отношения между Эстонией и СССР были напряженными. Эстония уклонялась от предложенного СССР двустороннего договора, пытаясь заменить его коллективным соглашением, в котором СССР был бы одной стороной, а прибалтийские страны и Польша – другой, при поддержке Великобритании. СССР не согласился с этим планом и вновь предложил Эстонии заключить двусторонний договор.

27 августа 1928 г. в Париже был заключен договор, известный как «пакт Бриана-Келлога». Его целью было формальное уменьшение вероятности войн. СССР, присоединившись к пакту, предложил ускорить его применение. Советское правительство направило предложение нескольким странам, включая Эстонию, подписать дополнительный документ, подтверждающий это намерение. Советский Союз, в частности, предложил Эстонии распространить действие пакта на отношения между двумя странами. На этот раз Эстония согласилась с указанным предложением СССР о досрочном введении пакта в силу и подписала соответствующий Московский протокол от 9 февраля 1929 г., что можно было расценить как косвенное свидетельство определенной положительной динамики в процессе подготовки и двустороннего гарантийного договора.

Юридически это соглашение между СССР и Эстонией (наряду с Латвией, Румынией и Польшей, а позднее – с Литвой, Ираном и Турцией) было осуществлено посредством подписания дополнительного международно-правового документа, который получил название «Протокол Литвинова». При этом Московский протокол от 9 февраля 1929 г. стал важным шагом, способствовавшим продолжению советско-эстонских переговоров о заключении двустороннего договора о ненападении и взаимном нейтралитете, которые продолжались на протяжении еще нескольких лет.

Глобальный экономический кризис конца 1920-х – начала 1930-х гг. оказал дестабилизирующее воздействие на систему международных отношений, способствуя их эскалации. Приход к власти нацистов в Германии резко усилил опасность войны в Европе. Данные обстоятельства непосредственно отразились на советско-эстонских отношениях рассматриваемого периода [\[7, с. 149\]](#).

В результате продолжавшиеся с 1926 г. между СССР и Эстонией переговоры о заключении пакта о ненападении привели к подписанию 4 мая 1932 г. этого достаточно важного для обеспечения безопасности советского государства на северо-западном направлении документа, продленного затем 4 апреля 1934 г. на десять лет. В 1933 г. между двумя этими инициативами Эстония согласилась с предложенным М.М. Литвиновым определением понятия агрессия и подписала в Лондоне совместно с другими государствами предложенную Советским Союзом соответствующую конвенцию.

Подписанный после десяти лет переговоров между СССР и Эстонией договор о ненападении и мирном разрешении конфликтов от 4 мая 1932 г. был ратифицирован сторонами через два месяца: 3 августа 1932 г. – Рийгикогу (эстонским парламентом), а 5 августа – ЦИК СССР.

Заключенный договор включал в себя следующие обязательства сторон: отказ от нападения друг на друга, неучастие в коалициях, угрожающих одной из сторон экономической или финансовой блокадой.

В условиях нарастания военной угрозы после прихода в 1933 г. нацистов к власти в Германии СССР выступил за заключение Конвенции об определении агрессии с Эстонией, а также Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Ираном и Афганистаном. Она была подписана в Лондоне 3 июля 1933 г. Ф.Ф. Раскольников в письме в НКВД от 8 июля 1933 г. сообщал, что Эстония стала подписантом конвенции по большей части потому, что по данному вопросу была достигнута договоренность между Советским Союзом и Польшей.

Несмотря на подписание Эстонией и СССР указанного договора, прибалтийские страны продолжали стремиться к созданию совместного с Латвией и Литвой регионального союза, часто именуемый «Балтийской Антантой». По мнению полпреда СССР Ф.Ф. Раскольникова, причинами, двигавшими Эстонию в этом направлении, являлись ее опасения относительно своего международного положения между СССР и некоторыми западными странами (Польшей и Германией), а также стремление поднять свой удельный вес на международной арене, в частности в Лиге наций [\[11, с.5\]](#).

12 сентября 1934 г. Эстония, Латвия и Литва действительно подписали Договор о взаимопонимании и сотрудничестве, который и оформил так называемую «Балтийскую Антанту», предусматривавшую регулярные встречи представителей трех стран на уровне министров иностранных дел. Всего в период с 1934 по 1940 гг. состоялось 11 таких встреч, на которых обсуждались представлявшие взаимный интерес политические вопросы [\[20\]](#).

СССР не противодействовал созданию этого тройственного союза прибалтийских республик и даже содействовал, надеясь повлиять на внешнюю политику в выгодном для обеспечения собственной безопасности направлении через Литву, которая из-за конфликта с Польшей была настроена к советскому государству более дружелюбно. Однако в плане обеспечения региональной безопасности данное соглашение не имело какого-либо заметного значения, т.к. надежды советской дипломатии на более тесное взаимодействие с данным объединением не привели к практическим результатам [\[12, с. 80\]](#).

В 1934-1935 гг. Москва настойчиво предлагала Таллину различные проекты, направленные на расширение советско-эстонских отношений в области региональной безопасности. Для достижения этой цели справедливо указывалось на угрозу со стороны гитлеровской Германии, а также подчеркивалась важность объединения усилий в качестве противовеса немецкой экспансии. Данные предложения имели под собой определенные основания. В частности, член коллегии НКВД Б.С. Стомоняков писал 4 февраля 1934 г. полпреду СССР в Польше В.А. Антонову-Овсеенко, что подписание в Берлине 26 января 1934 г. германо-польской «Декларации о ненападении и взаимопонимании» вызвало в Эстонии, Латвии и Литве отчетливое беспокойство.

14 июня 1934 г. СССР предложил заключить договор о коллективной безопасности всем заинтересованным восточноевропейским странам (т.н. «Восточный пакт» или «Восточный Локарно»). Сама идея заключения пакта была выдвинута Францией. Предполагалось, что соглашение должно будет сдерживать Германию и укреплять версальский территориальный статус-кво [\[1, с. 388\]](#). 29 июля 1934 г. Эстония первоначально выразила свою готовность присоединиться к пакту, но в связи с отказом Германии, Польши и Финляндии данное соглашение не состоялось [\[15, с. 198\]](#).

К середине 1935 г. стало ясно, что идея пакта не получила одобрения большинства его потенциальных участников. Этому способствовало активное противодействие со стороны Германии и Польши, которые сумели убедить Эстонию в том, что «Восточный пакт» немыслим без предоставления права прохода через ее территорию Красной армии, что, в свою очередь, является нежелательным. Проект указанного пакта так и остался неосуществленным. На этом фоне советская дипломатия смогла добиться определенного успеха в рамках двусторонних отношений СССР с Эстонией [\[19, с. 99\]](#).

4 апреля 1934 г. в Москве был подписан Протокол о продлении срока действия советско-эстонского Договора о ненападении и мирном разрешении конфликтов, который был заключен между ними в 1932 г., еще на десять лет.

Таким образом, с момента налаживания официальных дипломатических отношений между Советской Россией и Эстонией советское правительство было озабочено получением гарантий со стороны последней в том, что ее территория не будет использована в будущем в качестве плацдарма для нападения на нашу страну.

Не следует забывать, что развитие советско-эстонских отношений в течение 1930-х гг. происходило на фоне нарастания военно-политической напряженности в Европе, что непосредственно отразилось и на двусторонних отношениях СССР и Эстонии. После провала идеи Восточного пакта возрастает опасность развертывание гитлеровской экспансии в восточном и северо-восточном направлении, в т.ч. через территорию Прибалтики.

В этих условиях меняется содержание внешней политики СССР по отношению к Эстонии. По мнению советской дипломатии, наличия между ними одного лишь двустороннего договора о ненападении становится недостаточно для обеспечения безопасности Северо-Запада. Поэтому с середины 1930-х гг. СССР начинает продвигать идею размещения на территории Эстонии советских военных баз, которая первоначально не находит поддержки в эстонских правительственных кругах. Однако с учетом фундаментального изменения международной обстановки, обусловленного сложившейся накануне и после начала Второй мировой войны новой расстановкой сил, в сентябре 1939 г. советской стороне все же удалось убедить эстонское руководство в бесперспективности противодействия данному предложению. Развертывание советских баз предопределило небывало тесное по сравнению с предыдущим периодом развитие советско-эстонских контактов на различных уровнях, что в конечном итоге привело к формированию к лету 1940 г. предпосылок для включения Эстонии в состав СССР, что, однако, уже выходит за рамки нашего исследования.

Библиография

1. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй мировой войны. М.: Родина, 2020. 800 с.
2. Белковец Л.П., Белковец С.В. Советская дипломатия в борьбе за международное признание СССР, 1917–1935. М.: Проспект, 2023. 328 с. EDN: DMASTY
3. Дюллен С. Уплотнение границ: К истории советской политики. 1920–1940-е. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 416 с.
4. Егоров А.М. Псковские пограничные районы в 1920-30-е годы: исторические уроки развития : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 1998. 22 с. EDN: ZKFRQV
5. Егоров А. На ближнем пограничье // Родина. 2008. № 7. С. 93-96. EDN: JUXNJZ

6. Егоров А.М., Егоров И.А. Особенности взаимодействия отечественных спецслужб на северо-западе Российской империи в условиях Первой мировой войны // *Метаморфозы истории*. 2023. № 28. DOI: 10.37490/S230861810025513-4. EDN: MAOFPT
7. Егоров И.А. Историософия внешней политики как элемент отечественной истории (на примере советско-эстонских отношений 1920–1930-х гг.) // XVIII Машеровские чтения : Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 2-х томах, Витебск, 25 октября 2024 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2024. С. 149-151. EDN: SREMC1
8. Егоров И.А. Место военно-революционных организаций Эстонского края в процессе утверждения власти Советов в период Российской революции // *Метаморфозы истории*. 2024. № 32. DOI: 10.37490/S241436770030405-5. EDN: LEUNGO
9. Егоров И.А. Борьба с незаконными вооруженными формированиями на Северо-Западе РСФСР в 1920-е гг. // *Евразийский юридический журнал*. 2023. № 7(182). С. 65-67. DOI: 10.46320/2073-4506-2023-7-182-65-67. EDN: KPDOZV
10. Егоров И.А. Система обеспечения безопасности внешних границ РСФСР и БССР к началу 1920-х гг. // XVII Машеровские чтения : Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 2-х томах, Витебск, 20 октября 2023 года / Редколлегия: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. Том 2. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2023. С. 317-319. EDN: LDWSUN
11. Макаренко П.В. Историография дуализма советской внешней политики 1917–1933 годов: германский аспект // *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. 2018. № 3. С. 4-10. EDN: YOIIIPR
12. Репухова О.Ю. Формирование макроуровня западной пограничной полосы РСФСР/СССР в контексте мобилизационной подготовки // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2022. Т. 44. № 2. С. 80-89. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.736 EDN: MRTZJA
13. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ) Ф. р-342. Оп. 1. Д. 354.
14. Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 639 с. EDN: PRFVLP
15. Соколов В.В. Наркоминдел Литвинов-поборник коллективной безопасности // *Исторические портреты*. М.: Политиздат, 1993. С. 197-222.
16. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 92.
17. Цыплин В.Г. Советско-эстонские отношения в середине 1920-х годов // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 147-152. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-147-152 EDN: WKPJDF
18. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного "западничества" к "национал-большевизму": Очерк истории. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2002. 359 с. EDN: YQRPSJ
19. Щербак А.Н. Влияние внешней политики на национальную политику СССР // *Полития*. 2017. № 3. С. 99-116. EDN: UURBYC
20. Laur M., Maesalu A., Pajur A., Tannberg T. History of Estonia. Tallinn: Avita, 2000. 335 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального](#) [Института](#) [Научного](#)

[Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Влияние проблемы «гарантийного договора» на динамику советско-эстонских отношений 1920-1930-х гг.» посвящен рассмотрению динамики советско-эстонских отношений в 1920-1930-ые гг., ключевым эпизодом, как и указано в заглавии, является проект так называемого «гарантийного договора», т.е. предлагавшийся советской стороной проект двустороннего договора о ненападении, предусматривавшего взаимный нейтралитет договаривающихся сторон. Круг рассматриваемых вопросов таким образом относится к западному направлению советской внешней политики, причем как в контексте выстраивания отношений с новыми независимыми государствами, возникшими после распада Российской империи, преодоления внешнеполитической изоляции и т.д., так и в контексте попыток создания системы коллективной безопасности в преддверии Второй мировой войны. Автор указывает на специфическое положение Эстонии на пересечении интересов различных политических сил и соответственно разных сфер влияния, откуда проистекает закономерное желание СССР обезопасить свои северо-западные границы за счет оформления военного нейтралитета Эстонии. Собственно в этом заключается в том числе актуальность обращения сегодня к данной теме, хотя автором этот тезис не проговаривается. Работа, к сожалению, лишена научно-методического сегмента, отсутствует историографический обзор, не обозначен круг источников, методология исследования, его новизна и т.д., хотя по библиографическому списку мы видим обращение автора к значительному кругу источников и литературы, в том числе к архивным материалам. Тем не менее помещение данного текста в контекст более ранних советских, российских и эстонских обращений к данной проблематике пошло бы рецензируемому тексту только на пользу. Советско-эстонские отношения и конкретно проект «гарантийного договора» рассматривается автором в контексте сложной динамики международных отношений в Восточной Европе 1920-1930-ых гг. (советско-польские отношения, идея «Балтийской Антанты» и др.). Собственно идея «гарантийного договора» просуществовала с 1923 по 1932 гг., приход же нацистов к власти в Германии существенно меняет расклад сил и делает «гарантийный договор» недостаточным, в связи с чем автор вполне логично доводит повествование до конца 1930-ых гг., указывая на изменение содержания внешней политики СССР по отношению к Эстонии: «По мнению советской дипломатии, наличия между ними одного лишь двустороннего договора о ненападении становится недостаточно для обеспечения безопасности Северо-Запада». В итоге автор обоснованно демонстрирует общее направление развития советско-эстонских отношений в межвоенный период, не ограничиваясь "гарантийным договором" (первое упоминание данного проекта возникает примерно в середине текста). В целом работа выполнена на должном научном уровне и может быть рекомендована к публикации.